

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ

Объявленія за строку петита над
заним. ею мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ
1 л. 50 сент., позади текста 38 сент., не
носящ. торгов. характера до 15 стр. — 29
сент., предлож. и спросъ труда 10 сент.
включая городск. налогъ. Для за границы
50 швейцарск. сент. за строку.

Редакция: **Rīga, Dzīrnavu ielā 57.**
Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. — 21733
и 21334. Исчисная редакция — 21334.

Главная контора и экспедиция: **Rīga,
Dzīrnavu ielā 57.** Тел. конторы 21030,
телеф. рекламного отдѣла 21225.

СЕГОДНЯ

17-й г. изд.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

№ 348

Среда,
18 декабря 1935 г.

Цѣна номера въ Латвіи 12 сент.
Въ Литвѣ за оба изд. 50 цент. Подписная
плата на „Сегодня“ въ мѣсяцъ (за
7 номер. въ недѣлю) въ Латвіи 3 Л. 75 сент.,
за границей 5.20 шв. франк. Подп. пл. на
„Сегодня“ и „Сегодня Вечеромъ“
(13 ном. въ нед.) въ Латвіи Л. 4.—, за гр.
6.50 шв. фр.

Какъ хоронили Чехова.

Тревоги администраціи и вагонъ для устрицъ.

Памятно общее, при томъ, самое искреннее, возмущение русскаго общества, когда газеты напечатали, что тѣло Чехова прибыло изъ нѣмецкаго Ваденвейлера въ вагонъ для устрицъ. Это казалось издѣвательствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, это тогда произвело впечатлѣніе надменно пренебрежительнаго, вызывающаго жеста.

Не думаю, чтобы это было сдѣлано умышленно. Была простая небрежность, но не всегда можно простить даже бессознательную невольную ошибку. А дальше начинаются уже вполне сознательныя мѣропріятія.

Сознательно и преднамѣренно вагонъ съ тѣломъ Чехова былъ загнанъ на дальній путь, куда-то въ тупикъ, и друзья Чехова, пришедшіе отдать послѣдній долгъ писателю, вынуждены были долго разыскивать этотъ вагонъ „для устрицъ“, гдѣ стоялъ гробъ.

Сознательно, съ тревожной заботливостью, былъ обставленъ ненужными предосторожностями и весь путь похоронной процессіи отъ вокзала до могилы. Боялись демонстрацій, страшнѣе, что похороны вызовутъ общественный подъемъ, будутъ рѣчи — шельмъ тревожныхъ 1904 г. — кануны первой русскаго революціи. Власть насторожилась. Закинула переписка охраннаго отдѣленія, оберъ-полицейстера, полицейскихъ приставовъ, участковыхъ надзирателей, — эти документы сейчасъ приведены въ послѣдней книгѣ „Краснаго Архива“.

Этотъ день доставилъ администраціи много хлопотъ. Впереди процессія ѣхала толстый околоточный на толстой, бѣлой лошади. Все было предусмотрено. Начальники московскаго охраннаго отдѣленія представили оберъ-полицейстеру проектъ письма на имя МХТ, Влад. Ив. Немировича-Данченко. Это письмо долженъ былъ отправить оберъ-полицейстеръ. Немировича-Данченко ставили въ извѣстность о томъ, что процессія съ тѣ-

ломъ Чехова можетъ прослѣдовать мимо Художественнаго театра, мимо редакціи „Русскаго Мысли“, что тамъ и тамъ разбѣгается отслужить литіи, но никакихъ надгробныхъ словъ, „посвященныхъ памяти покойнаго“, быть не должно.

Катафалку былъ доставленъ отъ бюро похоронныхъ процессій П. В. Котова, и при составу 2-го участка Срѣтенской части приказали отобрать подписку отъ Котова въ томъ, что онъ будетъ точно слѣдовать утвержденному маршруту. Въ немъ до мелочей были указаны и перечислены всѣ улицы слѣдованія, переулки и даже ихъ пересѣченія.

Полицейскій приставъ, нѣкій Воронецъ, извѣщалъ охранное отдѣленіе, что „тѣло покойнаго литератора А. П. Чехова“ прибыло по Николаевской жел. дорогѣ „сегодня, 9-го іюля въ 7 час. 30 мин. утра“. Съ того момента начались хлопоты и тревоги полиціи. Надзиратели должны были доносить въ охранное отдѣленіе о томъ, какъ проходитъ похоронная процессія, — въ порядкѣ или безпорядкѣ. Такая безпокойства и такую бдительность тогда возбуждали развѣ только проходъ царскаго поѣзда. Всѣ были на чеку.

Полицейское сердце успокаивалось послѣ того, какъ процессія вступала въ районъ новаго участка. Съ точностью — до одной минуты — шли телефонныя донесенія. Черезъ каждыя 15—25 минутъ въ охранное отдѣленіе трещалъ звонокъ. Они начались съ ранняго утра, еще за 2 часа до прибытія поѣзда съ тѣломъ Чехова. Въ 7 час. 25 мин. охранному отдѣленію сообщали, что за вокзалъ очень много публики. Прошло 25 мин.; охранное отдѣленіе узнало, что рабочіе на заводѣ Густава Листа вышли своевременно на работу и никакихъ безпорядковъ нѣтъ. Черезъ 20 мин. новое сообщеніе говорило, что процессія направлялась по Саловой, въ ней участвуетъ 2000 человекъ, пригото-

во очень много вѣнковъ и присутствовать... Максимъ Горькій.

Донесенія шли, какъ телефонограммы въ военное время на фронтъ отъ развѣдчиковъ: „9 ч. 35 м. Около Художественнаго театра собралось публики около 500 человекъ — публика разнородная“. Дальше идутъ сообщенія о литіи, о томъ, что собралось уже 3000 человекъ, что процессія направлялась черезъ Знаменку, Пречистенку и, наконецъ, въ 4 ч. „тѣло Чехова предано землѣ“. На могилѣ было произнесено много рѣчей. Съ этимъ администрація ничего не могла сдѣлать, — у нея не было никакаго права запретить эти послѣднія, прощальные слова. Похороны кончались. Полицейская тревога улеглась. Все было выполнено, какъ хотѣла администрація, — главное же, не произошло никакихъ демонстрацій въ пути слѣдованія процессіи. Власть боялась этого больше всего.

Предупредить демонстрацію онѣ тогда могли: это было въ 1904 г., т. е. до 17 октября, — дня дарованія „свободы“. Ставили это слово въ кавычкахъ — въ подражаніе „лѣвымъ“ публицистамъ. Это слово „свободы“ они неизменно заключали въ ироническія оковы. Послѣ 17 октября рѣчи были уже не тѣ, ихъ стали произносить безъ конца и на темы гораздо болѣе опасныя, чѣмъ значеніе Чехова, его роль въ общественномъ движеніи.

Чѣмъ же и послѣдній, молчаливый путь Чехова на кладбище, не остался беззвучнымъ. Воистину, „молчаніе бываетъ золотомъ“, и „запретъ рѣчей вызвалъ тогда только глубокой, хотя и нѣмой протестъ во всѣхъ средцахъ. Вагонъ „для устрицъ“ надолго сталъ символомъ и образомъ непримиримой, все болѣе обострявшейся вражды между обществомъ и старымъ порядкомъ.

За похоронами Чехова пришли другія похороны — старого слова. П. ТРУБНИКОВЪ.